

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Савельева Александра Владиславовича
«Отражение диалектных особенностей в старописьменных
памятниках чувашского языка XVIII века
(на материале Словаря Палласа)»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 –
Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки)

Имеющие почти трехсотлетнюю историю письменные памятники чувашского языка пока слабо используются для разработки истории этого языка. Это обусловлено тем обстоятельством, что при описании этих памятников был проявлен гиперкритицизм: ученые обратили особое внимание на слабые стороны содержащегося в памятниках материала, что явилось своеобразным препятствием для их широкого использования в чувашском языкознании.

А. В. Савельев решительно преодолел господствующее у чувашских языковедов недоверие к ранним памятникам чувашского языка и даже не разобрал имеющиеся в литературе упреки, а подошел к памятникам сугубо потребительски, чем впал в противоположную крайность и переоценил достоверность показаний памятников, что, впрочем, не следует вменять в вину молодому исследователю, но источниковедческая составляющая диссертации могла бы привлечь его более пристальное внимание.

Диссертация А. В. Савельева носит вполне актуальный характер преодоления лакун в чувашском языкознании, причем это преодоление (забегая вперед, скажу) имеет вполне успешные результаты и заслуживает пристального внимания.

В качестве общего упрека к диссертации можно указать на некоторую сбивчивость ее названия «Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа)», нацеливающего на диалектологию, которая, однако, занимает лишь третью часть исследования, а основное содержание работы посвящено исследованию фонетического содержания лексики, зафиксированной в чувашской части многоязычного словаря под редакцией П. С. Палласа. Даже условно этот глоссарий нельзя называть «Словарем П. С. Палласа»; это отражает неточность принятого в диссертации словоупотребления.

Диссертация состоит из трех глав: более или менее компактных двух первых, посвященных соответственно консонантизму и вокализму, отраженным в чувашской части многоязычного словаря, а также несколько сумбурной третьей главы, где фонетическая часть до некоторой степени повторяется в начале главы, а остальная часть последней главы посвящена отрывочным сведениям по морфологии, синтаксису, а также лексике, где

материал по фонетике изложен в связи с лексикой, что создает повторы и только увеличивает объем диссертации. Этот же материал повторяется частично и в приложениях.

Большой объем диссертации было бы легче обзирать с помощью лексического указателя, который необходим обычно в сочинениях, построенных на анализе весьма солидного собрания слов. Но, к сожалению, в диссертации А. В. Савельева нет указателя, как это, к сожалению, часто бывает в кандидатских диссертациях.

Несмотря на указанную выше композиционную рыхлость диссертации, автору удалось показать ценность проанализированного чувашского материала для истории и диалектологии чувашского языка, а также некоторых соседних языков: отраженные в чувашском глоссарии слова получили в целом квалифицированную оценку, а памятник доказательно охарактеризован как весьма ценный для изучения истории не только чувашского языка, но и других языков Среднего Поволжья.

Столь высокая оценка работы А. В. Савельева не освобождает ее от критики, от оспаривания отдельных более или менее общих и частных положений и от упреков в уходе от некоторых трудных вопросов, а также за малую связь с работами предшественников автора диссертации, по пути которых А. В. Савельев идет. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку более подробное освещение предшествующих разысканий хорошо показало бы место исследования диссертанта в чувашском языкознании.

Диссертация заслуживает критики и по поводу ряда частных вопросов, хотя общая оценка – повторяю – должна быть положительной.

Практически осталось без объяснения загадочное смешение букв *ъ* и *ь* в конце слов с исходом на согласные. Можно предположить, что оно не отражает никакой фонетической черты, а возникло при переводе латинской графики на русскую, которая использовала буквы *ъ*, *ь* для обозначения конца слова с консонантным исходом. Можно высказать предположение, что первоначально чувашские слова (все или частично) были записаны латинским алфавитом, который не использовал никаких букв для обозначения конца слова. С переводом записей на русскую графику конечные *ъ*, *ь* были добавлены по произволу и вызвали недоумение у исследователя.

Автор в целом исходит из не сформулированного у него положения, что составляли анализируемый А. В. Савельевым чувашский глоссарий русские авторы, что неочевидно. Но очевидно другое: в чувашском материале наличествуют черты, которые объясняются, как и смешение конечных *ъ*, *ь*, присутствием среди создателей Словаря нерусских по происхождению ученых, для которых использование латиницы было более привычным.

Надо сказать, что автор был близок к мысли о том, что в исследуемом им материале есть следы его обработки носителями других языков, но эта проблема им только затронута и подробно не освещается.

Можно предположить, что использованные в чувашском глоссарии материалы были собраны (полностью или частично?) немцами, которые

зафиксировали их привычным способом на основе латинской графики. При этом стоит вспомнить указания акад. А. Н. Кононова в его книге «История изучения тюркских языков в России» (изд. 2-е, Л., 1972, с. 207): «Начало собиранию чувашского лексического материала положил академик Г. Ф. Миллер <...>, который впервые привел список чувашских слов <...>». Кстати сказать, что он впервые в общих чертах указал на диалектные особенности чувашских говоров разных мест (с. 66).

На немецкое происхождение автора первоначальной записи (сначала латиницей) указывают написания *гивысь* ‘дерево’ (= *йывăç*), *гίδα* ‘собака’ (= *йытă*), *гурётъ* ‘плакать’ (= *йёр-*), причем это был носитель нижненемецкого языка (скорее всего, остзейский немец), в графике которого латинская буква *G* (*g*) использовалась для обозначения звука [j] перед гласными переднего ряда, но эта яркая черта не была проанализирована в диссертации, хотя повод для этого был.

На одной странице диссертации (с. 132) приводятся три разных написания для названия дерева: *евысь*, *гивысь*, *ивось* (= чув. *йывăç*), но вместе почему-то не рассматриваются. Это же касается и двух форм названия собаки (чув. *йытă*) – *гίδα* и *еда*.

Появление удвоенного согласного –мм– вместо ожидаемого –м– (с. 94) можно объяснить тем обстоятельством, что в немецкой графике удвоение интервокального согласного выполняет функцию указания на краткость предыдущего гласного: *кюммель* ‘серебро’, *сиуммель* ‘лёгок’, *сиумморь* ‘дождь’, *шуммо* ‘кость’ (с. 94). Но в таком случае встает вопрос о долготе/краткости гласного в предшествующем слоге, что осложняет исследование, которое пока выглядит не вполне освещенным.

Отмечу некоторую непоследовательность в использовании этимологических сведений о «кыпчакских» элементах чувашского языка. В некоторых случаях они приводятся, но, например, при слове *лаша* ‘лошадь’ (напр. с. 189)¹ почему-то отсутствуют, хотя это существенно для изложения. Для многозначного чувашского слова *хавха* ‘шум, суматоха, спор и т.п.’ (с. 182, 278), которое восходит к арабскому первоисточнику через тюркское посредство (есть в тюркских языках Поволжья!), почему-то предполагается происхождение из осетинского *хъаугъа* ‘запальчивость; спор; ссора, драка’, что по крайней мере странно. Чув. *хавха* – новый «кыпчакизм»! Осетинизмы требуется выводить не с Кавказа, а из соседнего с чувашским языком языка буртасского, который идентичен с аланским, что следует из разысканий О. Прицака и моих об этнониме *буртас* и о мордовском названии берёзы.

Слабо выглядят кавказские параллели: выведение из даргинского языка названия топора *пуртă* (с. 278) сравнительно с иранским источником, это же касается и нахского для *ыраш* ‘рожь’. Название топора представляет собой «бродячее слово» широкого распространения в Евразии, а слово *ыраш* явно русского происхождения, но его фонетика осложнена тем, что заимствовалась форма косвенных падежей со слоговым *р_о* – *р_ож-*, что

¹ На с. 206 слово считается исконным!

выводит это слово за пределы сопоставляемых обычно именительных падежей.

Вызывающие затруднения формы *струшь* 'сторож', *калуш* 'калоша', *саттун* 'фартук' с передачей русского *о* как *у* скорее всего являются татаризмами (с. 138).

Написание на с. 108 *хирь-ача* 'дочь' с инлаутным *ь* (= чув. *хёр ача* 'девочка') можно объяснить наличием между компонентами гортанной смычки. Ср. также *кочакь-аси* 'кот' (с. 107) = чув. *кушак аси*.

Хотелось бы получить объяснение своеобразия чувашских слов русского происхождения *салтак* 'солдат' или *кушак*, *кучак* 'кошка' с не вполне логичной фонетикой, не нашедшей никакого освещения в чувашеведении.

К числу излишеств, впрочем, непоследовательных, следует отнести использование ненужного знака # (решетки) для обозначения абсолютного начала и конца слова; см. плеонастичность употребления на с. 59: «В начале слога и слова чувашский согласный #s- регулярно передается через [с-]» (также повторяется в слегка отредактированной форме на с. 64 и других местах).

Все высказанные здесь замечания и вопросы носят конкретный характер и касаются преимущественно частных, не затрагивая главного в рассматриваемой диссертации, которая является весомым вкладом в чувашское языкознание и весьма полезна для истории и диалектологии языков Среднего Поволжья, заслуживая самой положительной оценки.

Содержание диссертации отражено в 5 публикациях автора и в автореферате.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор А. В. Савельев заслуживает присвоения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки).

Официальный оппонент:

Добродомов Игорь Георгиевич,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и прикладного языкознания
Московского педагогического государственного университета

20 января 2015 года

МПГУ, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, тел. (499) 246-57-12,
fil@mpgu.edu, <http://www.mpgu.edu>